

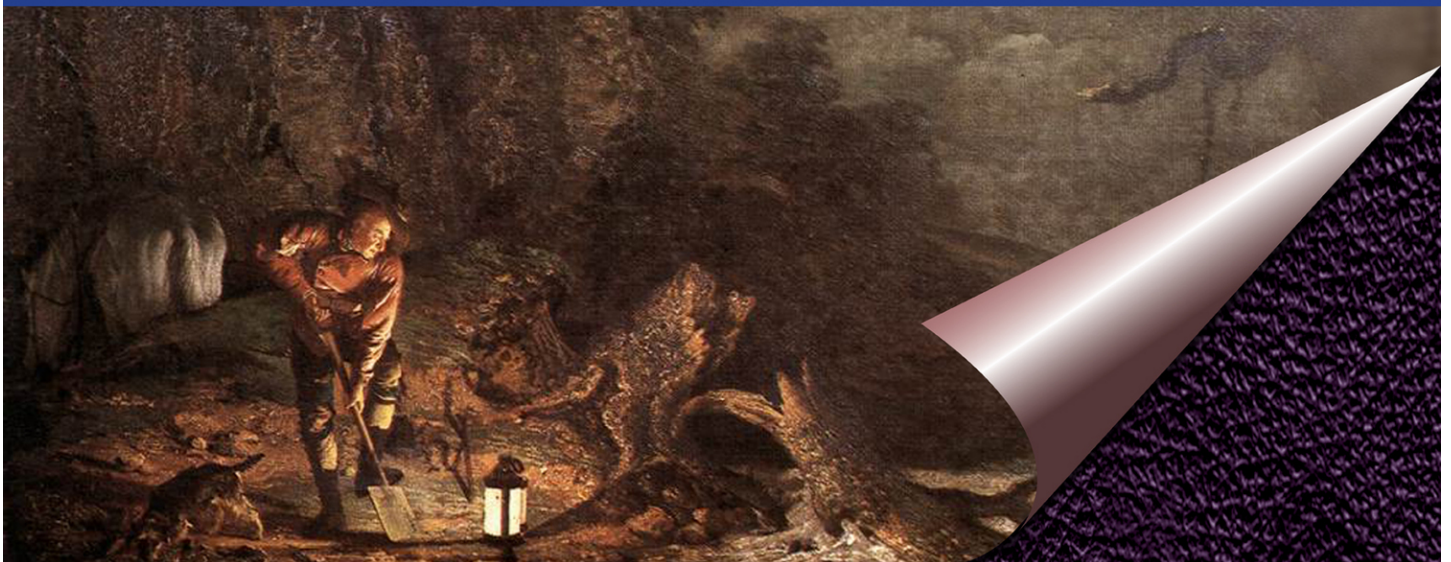
Вашингтон Ирвинг

Рассказы
о Дольфе Хейлигере

Перевод с английского
Анания Бобовича

ФТМ

Вашингтон Ирвинг
**Рассказы о Дольфе
Хейлигере (сборник)**

«ФТМ»

1822

Ирвинг В.

Рассказы о Дольфе Хейлигере (сборник) / В. Ирвинг — «ФТМ», 1822

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик. Первый романтик, которого выдвинула американская литература.

Содержание

Дом с привидениями	5
Дольф Хейлигер	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Вашингтон Ирвинг

Рассказы о Дольфе Хейлигере

Из бумаг покойного Дитриха Никкербоккера

Дом с привидениями

Прежде почти в каждом населенном пункте существовал такой дом. Если дом был расположен в унылой местности или выстроен в старинном романтическом стиле, если в его стенах случилось какое-нибудь необычайное происшествие или убийство, внезапная смерть или что-либо в этом роде, можете не сомневаться, что такой дом становился «особым» домом и впоследствии приобретал славу обиталища призраков.

Борн, «Древности»

В окрестностях старинного городка Манхэттена еще не так давно существовало ветхое здание, которое в дни моего детства называли «Дом с привидениями». Это здание было одним из немногих памятников архитектуры первых голландских поселенцев и в свое время, надо думать, представляло собою весьма порядочный дом. Оно состояло из центральной части и двух боковых крыльев, фронтоны которых ступеньками подымались вверх. Построен был этот дом частью из дерева, частью из мелких Голландских кирпичей, вывозимых зажиточными колонистами из Голландии, пока, наконец, их не осенила догадка, что кирпичи в сущности можно выделывать где угодно. «Дом с привидениями» стоял вдалеке от дороги, среди обширного поля; к нему вела аллея акаций, из которых иные были расщеплены молнией, а две-три повалены бурей. В разных концах поля росло несколько яблонь; тут же можно было обнаружить и следы огорода; но изгородь развалилась, культурные растения исчезли или одичали настолько, что немногим отличались от сорняков, и между ними кое-где виднелся заросший, взлохмаченный куст розы или высокий стебель подсолнечника, поднимавшийся над колючим терновником и понуро опускавший голову, точно он оплакивал окружающее его запустение. Часть крыши старого здания провалилась, окна были выбиты, филенки дверей проломаны и заколочены досками; на обоих концах дома два ржавых флюгерных петушка немилосердно визжали и скрежетали, поворачиваясь на спицах, и тем не менее всегда неверно указывали направление ветра. Если даже при солнце это место поражало заброшенностью и запустением, то нет ничего удивительного, что завывания ветра вокруг ветхого, наполовину развалившегося дома, скрежет и визг флюгерных петушков, хлопанье и грохот сорванных с петель ставней, когда разыгрывалось ненастье, нагоняли такую жуть и тоску, что всем окрестным жителям дом и прилегавший к нему участок земли внушали неодолимый ужас. Носилась молва, будто именно здесь происходят шабаша призраков. Я и сейчас еще отчетливо помню облик старого здания. Сколько раз слонялся я возле него с моими приятелями, отпетыми сорванцами и лоботрясами, когда по воскресеньям и в праздники мы пускались после обеда в пиратские набеги на пригородные сады! У самого дома росло великолепное дерево: ветви его гнулись под тяжестью чудесных, полных соблазна плодов, но оно было на заклятой земле; это место, как повествовали бесчисленные рассказы, пребывало во власти колдовских сил – и мы не решались к нему подступиться. Иногда мы все же набирались отваги и скопом, все вместе, косясь на старое здание и со страхом поглядывая на его зияющие окна, приближались к этому дереву

Гесперид¹, но когда мы уже готовились наброситься на добычу, кто-нибудь из нашей ватаги вдруг неожиданно вскрикивал или нас приводил в смятение какой-нибудь случайно возникший шум, и, охваченные паническим страхом, мы пускались во все лопатки и неслись, сломя голову и не останавливаясь, пока не выбирались, наконец, на дорогу. И каких страстей не рассказывали мы о загадочных криках и столах, раздающихся внутри дома, об отталкивающем, страшном лице, которое, согласно поверьям, иногда показывается в одном из окон! Мало-помалу мы потеряли охоту посещать это пустынное место; мы предпочитали стоять где-нибудь поодаль и забрасывать дом градом камней; звук, который они издавали, ударяясь о крышу, или порою звон выбитого, случайно уцелевшего обломка стекла доставляли нам жуткое, смешанное с ужасом наслаждение.

Когда и кем был выстроен этот дом, покрыто мраком, окутывающим зарю истории нашей провинции, иначе говоря, тот период, когда она находилась под властью «их светлостей Генеральных Штатов Голландии». Некоторые считают, что в былое время он служил сельской резиденцией Вильгельма Кифта, по прозванию Упрямец, одного из голландских губернаторов Нового Амстердама. Другие, однако, настаивают на том, что его построил один морской офицер, служивший под начальством ван Тромпа²; будучи обойден производством в чинах, он счел себя обиженным, покинул службу, сделался с досады философом и, дабы иметь возможность жить по своему вкусу и усмотрению и презирать всех и все, перебрался со всеми своими пожитками в эти края. Вопрос о том, что именно явилось причиной заброшенности дома и примыкающего к нему участка земли, тоже порождает жаркие споры; одни уверяли, будто из-за этой мызы в свое время возникла тяжба, судебные издержки которой превысили стоимость самой мызы, между тем как наиболее распространенная и, бесспорно, достоверная версия утверждала, будто в доме завелась нечистая сила и от нее никому не стало покоя. И в самом деле, последнее обстоятельство почти несомненно явилось истинною причиною запустения и разрушения дома: недаром же столько историй в один голос повторяют одно и то же, недаром любая старуха в округе может выложить во всякое время не менее двух десятков подобных рассказов.

Невдалеке от мызы жил одинокий негр – старый, седой скаред, у которого была в запасе целая куча таких историй; многое из того, что он рассказывал, произошло лично с ним. Я и мои школьные товарищи не раз забегали к нему на участок, чтобы послушать его болтовню. Старик обитал в жалкой лачуге, стоявшей среди крошечного клочка земли, засаженного картофелем и кукурузой и подаренного ему вместе с волею его бывшим хозяином. Он подходил, бывало, к нам с мотыгой в руке, мы усаживались, словно стая ласточек, примостившись на жердях изгороди, и в летние сумерки, когда все окутывают мягкие тени, затаив дыхание, слушали его страшные рассказы, а он при этом так жутко вращал белками, нас охватывал такой ужас, что, возвращаясь в темноте по домам, мы пугались нередко своих же шагов.

Бедный старый Помпей! Прошли годы и годы с тех пор, как он умер, спеша составить компанию тем самым духам, о которых так любил поболтать. Его схоронили на картофельном поле, по его могиле вскоре прошелся плуг, сровнявший ее с землей, и никто на всем свете не вспоминал больше о седом старом негре.

Спустя несколько лет, сделавшись тем, что называют обычно «молодым человеком», я случайно попал снова в эти места и, бродя по окрестностям, наткнулся на кучу зевак, глазевших на череп, только что выброшенный из земли лемехом плуга. Они, конечно, тут же решили, что перед ними – кости «убитого человека», и принялись ворошить груды обычных историй о «Доме с привидениями». Я сразу понял однако, что это останки бедняги Помпея, но прику-

¹ Геспериды, три дочери Атланта, как рассказывает древнегреческий миф, владели садом, в котором росли яблони с золотыми яблоками. Сад охранялся стоглавым драконом. Проникнуть в сад было невозможно, и этот подвиг оказался под силу лишь одному Гераклу. Отсюда выражение – дерево Гесперид.

² Мартин ван Тромп (1597–1653) – известный голландский моряк.

сил язык, ибо, уважая чужое удовольствие, не люблю портить рассказ о духах или убийстве. Впрочем, я принял меры, чтобы кости моего давнего приятеля были вторично преданы земле и чтобы на этот раз ничто больше не нарушило их покоя.

Пока я сидел на траве и наблюдал за их погребением, между мною и одним пожилым джентльменом завязалась весьма занимательная и продолжительная беседа. Джентльмен этот, проживавший в здешних местах, носил имя Джон Джоссе Вандермоер и был любезным, обожающим поговорить человеком, вся жизнь которого прошла либо в выслушивании, либо в сообщении другим местных сплетен. Он вспомнил старого Помпея и его рассказы о «Доме с привидениями»; он заявил также, что может поведать еще более загадочную и таинственную историю, чем те, что рассказывал когда-то Помпей, и когда я выразил желание прослушать ее, присел на траву рядом со мной и сообщил приводимую ниже повесть. Я постарался передать ее по возможности дословно, но с того времени протекли годы, я стал стар, и память моя теперь уж не та. Я не могу поэтому ручаться за слог, но в отношении фактов я неизменно проявлял исключительную точность и щепетильность.

Дольф Хейлигер

*Беру весь Килбери – город, где живу,
В свидетели, что был рожден
Застенчивым, к стыдливости приучен.
Пусть пса мне приведут, который мог бы
Сказать, что бит он мною без вины;
Пусть кот на Библии присягу даст,
Что хвост ему хотел я подналить, –
Обоим я по кроне уплачу!*

«Сказка о бочке»

В начальный период истории провинции Нью-Йорк, в те времена, когда она стелала под гнетом тиранического управления английского губернатора лорда Корнбери, который, всячески притесняя голландское население, дошел до того, что не разрешал ни священнику, ни школьному учителю преподавать на родном языке без особого на то разрешения, – в эти самые времена в небольшом старинном веселом городе, носящем имя Манхеттен, проживала некая славная женщина и отличная мать, известная всем как «хозяйка Хейлигер». Она была вдовою голландского флотского капитана, безвременно умершего от горячки – последствия его чрезмерных трудов и столь же чрезмерного аппетита – в те тревожные дни 1705 года, когда городу грозила опасность со стороны небольшого французского капера и горожане, ударившись в панику, принялись поспешно возводить укрепления. Покойный оставил ее с очень скудными средствами и сыном-малюткою на руках; прочие дети этой четы умерли во младенчестве. Почтенная женщина едва сводила концы с концами, так что ей приходилось прилагать немало усилий, дабы внешне все обстояло благопристойно. Впрочем, поскольку ее супруг пал жертвою рвения к общему благу, все единодушно решили, что «для вдовы надо бы что-то сделать», и в надежде на это «что-то», она более или менее сносно просуществовала несколько лет: все ей сочувствовали, все отзывались о ней с поразительной теплотой, и это, надо думать, заменяло ей в известной степени помощь.

Она обитала в маленьком домике на маленькой улочке, называвшейся Гарден-стрит³ – возможно, по той причине, что некогда здесь был какой-нибудь сад. И так как с каждым годом ее нужда становилась острее и острее, а разговоры о том, что «для нее надо бы что-то сделать» все глуше и глуше, ей пришлось под конец возложить заботу об этом «что-то» на себя самое и призадуматься, как в добавление к своим скудным средствам добыть новый источник дохода, сохранив свою независимость, к которой она относилась чрезвычайно ревниво.

Проживая в торговом городе, госпожа Хейлигер прониклась в некоторой мере царившим в нем духом и решила попытать счастья в шумной лотерее коммерции. В один прекрасный день, на удивление всей улице, в ее окне появилась целая шеренга пряничных королей и пряничных королей, которые, как полагается царским особам, стояли, разумеется, подбоченясь. Тут были также в изрядном количестве большие, как правило – увечные, стопки, одни с конфетами разного рода, другие – с детскими игральными шариками; кроме того, здесь можно было увидеть всевозможные пирожные, ячменный сахар, голландских кукол и деревянных лошадок; там и сям виднелись детские книжки в золоченых переплетах и мотки пряжи, а сверху на бечевке свешивались фунтовые пачки свечей. У дверей дома сидела обычно кошка почтенной госпожи Хейлигер – в высшей степени благопристойное существо, – по-видимому,

³ Гарден (garden) – сад (англ.).

пристально разглядывавшая прохожих и критически оценивавшая их платье; время от времени она вытягивала шею и всматривалась вдаль с внезапно нахлынувшим любопытством, дабы разглядеть хорошенько, что происходит на другом конце улицы; когда же случалось, что какая-нибудь праздношатающаяся собака оказывалась невдалеке и выражала намерение нарушить правила вежливости, – Боже мой, как она ерошила шерсть, как плевалась, как фыркала, как выпускала когти! В такие минуты она всем своим обликом, явно говорившим о клопочущем и рвущемся наружу негодовании, поразительным образом походила на уродливую старую деву, обнаружившую, что к ней приближается какой-нибудь завзятый распутник.

Хотя почтенной женщине и пришлось познать, что значит нужда, все же она сохранила в себе чувство фамильной гордости – ведь недаром она происходила от ван дер Шпигелей из Амстердама! – и ревниво берегла раскрашенный герб ее рода, который красовался у нее в рамке над камином. И, по правде говоря, она пользовалась глубоким уважением беднейших обитателей города: дом ее был своего рода клубом для всех старух, проживавших поблизости. Они запросто заглядывали сюда зимними вечерами и заставляли хозяйку с вязаньем в руках с одной стороны камина, мурлыкавшую кошку с другой его стороны и распевавший песенки чайник – на угольках; здесь они судачили и болтали до позднего часа. Тут же стояло кресло, предназначавшееся для Петера де Гроодта, именуемого иной раз Петером Долговязым, а порою Петером Длинные Ноги. Это был могильщик, а заодно и пономарь маленькой лютеранской церкви, старинный друг-приятель госпожи Хейлигер, а также оракул у ее камелька. Да что Петер де Гроодт! Сам священник – и тот не гнушался заходить к ней время от времени, дабы побеседовать о том, что у нее на душе, и выпить стаканчик ее знаменитого, отличного на вкус черри-бренди⁴. Можете быть спокойны, он никогда не забывал заглянуть к ней и на Новый год, чтобы поздравить и пожелать ей всякой удачи и счастья, и наша почтенная женщина, в иных делах весьма щепетильная и тщеславная, неизменно тешила свое честолюбие и вручала ему такой увесистый сладкий пирог, какого не сыскать в целом городе.

Я упоминал уже, что у госпожи Хейлигер был единственный сын. Он родился, когда молодость ее миновала, но-увы! – не утешил ее на старости, ибо из всех отчаянных сорванцов городка Дольф Хейлигер был самым отчаянным сорви-головой. Нельзя сказать, чтобы мальчик находился во власти каких-либо мерзких пороков, однако он отличался большим озорством и веселостью и тем духом отваги и предприимчивости, который обычно превозносят в ребенке из богатой семьи, но осыпают проклятиями, когда он вселяется в детей бедняков. Дольф постоянно попадал в какую-нибудь беду; его мать без конца осаждали жалобами на его проказы и выходки, а заодно и счетами за выбитые им стекла; короче говоря, ему не исполнилось еще четырнадцати лет, а между тем все соседи звали его не иначе, как «паршивой собакой», «самой паршивой собакой на улице». Больше того, один пожилой джентльмен в бордовом камзоле, с худым красным лицом и глазами хорька однажды дошел до того, что принялся убеждать госпожу Хейлигер, будто ее сыну рано или поздно придется болтаться на виселице.

Несмотря ни на что, эта милейшая женщина любила своего мальчугана. Казалось, она испытывала к нему тем большую нежность, чем поведение его было хуже, и чем сильнее она обожала его, тем ненавистнее становился он всему свету. Матери – нелепо мягкосердечные существа, и их никак не излечишь от этого недостатка: Дольф был ее единственное дитя; кроме него, ей некого было любить в целом мире, – мы не должны поэтому осуждать ее, если она оставалась глуха к голосам своих добрых друзей, всячески тщившихся уверить ее, что Дольфа все же ожидает веревка.

Собственно говоря, негодник Дольф был тоже привязан к матери. Он отдал бы все на свете, лишь бы не огорчать ее; провинившись, лоя на себе ее пристальный скорбный взгляд, он чувствовал, как сердце его наполняется горечью и раскаянием. Но, будучи созданием легко-

⁴ Черри-бренди – напиток вроде вишневки (англ.)

мысленным, он не находил в себе сил противостоять искушению и удержаться от новых проказ и забав. Хотя он все схватывал налету – стоило ему заставить себя взяться за книгу, – но его неудержимо влекло к праздношатающейся компании; вот почему он с великой охотой пускался на поиски птичьих гнезд, в набеги на фруктовые сады и в плаванье по Гудзону. Так понемногу он превратился в высокого неуклюжего парня. Мать стала задумываться, как направить его на путь истины или куда бы пристроить. Задача эта, надо сказать, была не из легких, ибо за ним утвердилась такая дурная слава, что никто, видимо, не испытывал ни малейшей охоты предложить ему какое-нибудь занятие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.